
ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

СТРУКТУРНАЯ ДИАЛЕКТИКА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА*

П.Н. Барышников

Пятигорский государственный лингвистический университет
ул. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357500

Философия древней Стои по сути является исторической основой становления европейской традиции языкознания. Именно стоики были первыми философами античности, приступившими к изучению эстетики выразительных средств на всех знаково-символических уровнях: от поэтических метафор до мелодических построений в музыке [1. С. 99]. Однако лингвистическое наследие стоиков пока еще недостаточно исследовано в отечественной философской литературе.

Стоики одними из первых сконцентрировали свое внимание не на вещах и не на соотношении имени и вещи, а в первую очередь на способах выражения имени. Такая проблематика включалась стоиками в основы диалектики (в античном понимании этого термина как искусства диалога), которую они трактовали более широко, чем их предшественники: от аристотелевской силлогистической системы доказательств для ведения непротиворечивых диалогов они постепенно пришли к риторико-эстетическому аспекту искусства диалога. У стоиков диалектика охватывала две области — обозначаемого и обозначающего: «В первой области давали учение о наглядных представлениях, о словах, предложениях и разного рода высказываниях, о тропах, софизмах и пр.; ко второй же области диалектики относили слово как таковое, то есть говорили о звуках и буквах, о солецизмах, варваризмах, поэтических произведениях двусмысленностях, мелодических звуках и музыке» [1. С. 99]. То есть речь шла об эстетической природе знака.

Некоторые авторы приписывают стоикам роль основателей семиотики — теоретического учения о знаке, но только не в позднейшем смысле этого слова (все-таки семиотику как науку создал Ч.С. Пирс), а в античном понимании.

* Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 годы», Соглашение № 14.В37.21.0510, проект «Развитие теоретико-методологических исследований по философии языкового сознания».

Иными словами, стоическое учение об означающем расширило границы аристотелевской логики силлогизмов. Для выражения сущности знака представители древней Стои использовали термин «τό λεκτόν». Для стоической традиции, в исследовательском поле которой лежал доскональный анализ знаковой природы, было недостаточно аристотелевского трехчастного деления на предмет, представление в душе и звук. Поэтому они вводят новую категорию «лектон», т.е. отглагольное прилагательное от греческого глагола *legein*, «обозначающего не только процесс говорения, но и нечто более осмысленное, а именно процесс “имения в виду”». Лектон в этом смысле есть предмет высказывания или, говоря вообще, словесная предметность» [1. С. 105].

При этом нужно заметить, что в античности учения о словесном выражении, о суждениях, умозаключениях и о построении непротиворечивых высказываний были столь разнообразны и утонченны, что даже у поздних представителей стоиков возникали проблемы с трактовкой термина «лектон»: одни называют его высказанным (*effatum*), другие — возвещенным (*enuntiatum*), третьи — сказанным (*edictum*) [2]. Но в любом случае категория «лектон» обозначала смысловую сторону речи, а ее введение позволило стоикам заложить основания семиотического учения об означающем.

Для того чтобы лучше понимать, откуда взялась проблема лектона, приведем объяснительный отрывок из работы А.Ф. Лосева: «Лектон возникло как следующего рода проблема. И грек, и варвар понимают, что такое данный предмет. Но варвар не понимает того слова, которым обозначается данный предмет по-гречески. И тем самым он не понимает и того предмета, который в данном случае обозначается. Грек понимает данный предмет; а варвар, хорошо понимая данный предмет вообще, совсем не понимает того, что в данном случае грек говорит ему именно о данном предмете. Значит, у грека, называющего данный предмет, находится в сознании нечто другое, чего нет у варвара. Слово, употребленное греком для обозначения данного предмета, сопровождается каким-то особенным сознанием этого предмета. Варвар же, не понимая греческих слов, не понимает и того предмета, который в данном случае именуется, хотя в общем виде, еще до всяких разговоров с греком, он и знает прекрасно, что это за предмет. Значит, кроме слова, обозначающего данный предмет, и самого предмета, есть нечто третье» [1. С. 118]. Таким образом, лектон как бы застыл между тем, что существует, и чего не существует. (Плотин также утверждал, что лектон связан только с предметным содержанием слова и его мыслительной конструкцией, но не обладает метафизическим существованием).

Категория лектон должна была прояснить проблему толкования и интерпретации текстов, высказываний, а также проблему перевода. На этом пути стоики разрабатывали сложное учение о полном и неполном лектоне [3. С. 176]. Они различали глагол как категорию морфологическую (τό ρῆμα) и как категорию синтаксическую (τό κατεῦορημα), связанную с логическим значением высказывания. У лектон было два состояния: первое — это неполный лектон — предметное содержание имени, например «Сократ», второе (полный лектон) — это многомерность интерпретаций пропозициональных отношений, например «Сократ пишет». Важно учитывать антропологический аспект в лингвофилософских построениях стоиков.

Они исходили из того, что человек познает мир с помощью содержаний своей души. Поэтому единство субъекта и предиката в полном лектоне — это единство оязыковленного мира с «душевыми представлениями». Таким образом, важной заслугой стоиков является различие между высказыванием и мышлением, между обозначением и суждением.

Для дальнейшего развития понимания глубинной сущности языка необходимо было провести различие смысловых содержаний субъекта и предметного содержания означенных вещей. При этом стоики провозглашали единство языковых смыслов и структуры предметного мира. Текст впервые понимается не как историческое свидетельство или носитель информации, а как Посредник между великим демиургическим замыслом и человеческой мыслью. В эпоху эллинизма создается определенный «образ учености», состоящий в том, что философствующий ум должен был извлекать, по словам Р.В. Светлова, «демиургический логос» из текстов древних мужей [4]. Такое отношение к тексту было вызвано не только своеобразным пониманием единства Космоса, Логоса и лектона, но и особым пониманием аллегорической сущности мифологического наследия.

Аллегорическая трактовка мифа у стоиков закладывает основу для герменевтической и экзегетической традиций. Ввиду того, что стоицизм представлял собой стройную космологическую систему, в которой Космос — это общий дом богов и людей со строго иерархической структурой, миф в этой системе не мог уже представляться как буквально понимаемая сакральная история. Интеграция человеческого начала в устройство Космоса требовала новой трактовки. Она была построена на принципе аллюгии. Если первые представители аллегорической трактовки мифа представляли богов как олицетворение природных стихий, то у стоиков боги — это телесные существа, в которых выражены сущностные основания, структурирующие стихию в составе космического целого. Иными словами, аллегорическая трактовка мифа у стоиков онтологизируется [5. С. 256—262]. Миф не противопоставляется образу, а вновь соотносится с ним, составляя семантический синтез. И здесь рождается мысль о том, что *через интерпретацию текстовых смыслов можно раскрыть смыслы бытия*. Для стоиков дидактические тексты мифов — это не просто результат архаичной поэтизации действительности, а некий код к универсальным структурам бытия. И искусство толкования текстов должно было помочь в извлечении этих скрытых смыслов. Толкование мифологических текстов становится формой познания мира, т.к., по мнению стоиков, текст связан со структурой Космоса.

Именно понимание единства Космоса позволяет стоикам трактовать язык как носитель универсальных естественных смыслов. К лингвистическим достижениям стоиков можно отнести: различие типов имен (собственных и нарицательных), создание логико-семантического учения, создание теории о лектоне, описание законов последовательности мышления, создание первой теории концепта на основании принципа «φύσει» (необходимой связи между звуковым выражением слова и его содержанием), постановка проблемы понимания и коммуникации, а также детальный анализ определений и типов высказываний, что впоследствии послужит теоретическим основанием для герменевтической традиции.

Все эти языковедческие инновации стали возможны благодаря особой трактовке процесса смыслопроизводства, связанного со структурой Космоса в целом. Стоики использовали для описания этого процесса загадочный термин «пролеписис», который, согласно Диогену Лаэртскому, обозначал естественное понятие о всеобщем. Логос, пронизывающий весь Космос единством всех возможных всеобщих качеств, в человеке воспроизводится следующим образом: в человеке есть *ἡ ἐρησις* (*epnoia*) понятия, рожденные в процессе познания (т.е. по аналогии) и *προληψις* (*prolepsis*), понятия, рожденные в процессе мышления из содержаний субъекта (т.е. по природе) [3. С. 79—81].

Мы видим, что относительно установления имен стоики занимают умеренную платоническую позицию. При этом через естественное понятие некоторые представители Стои пытались обосновать критерий истинности и в метафизике, и в логике, и в эстетике.

Разрабатывая сложную многоуровневую теорию смысла, стоики заложили основу для появления позднеантичных интерпретативных моделей. Конечно, античность была еще далека от мысли о том, что «мир — это текст», но вопрос о том, что через теорию текста можно прийти к истинному познанию смысла, уже поднимался. Стоическая теория смысла и основы пропозициональной логики попали на благодатную почву зарождающейся христианской герменевтической традиции (II—IV вв. н.э.) [6].

Как известно, первые попытки толкования мифологических памятников и древних эпических поэм предпринимались еще в VI в. до н.э., а сам принцип толкования как некоего сакрального действия практиковался еще в мистических культах орфиков и пифагорейцев, пытающихся постигнуть смысл природных знаков и волю богов [7. С. 8—9]. Но для стоиков Гомер и его современники уже были древними авторами, чей язык сильно отличался от позднейшего греческого. Требовались правильные переводы и толкования. Под влиянием стоицизма сложились две различные герменевтические традиции — Александрийская и Пергамская. Суть противостояния заключалась в проблеме количества смыслов, содержащихся в слове: александрийцы считали, что слово обладает множеством смыслов, пергамцы же были сторонниками моносемии.

Говоря об Александрии как центре античных языковедческих исследований, нельзя не упомянуть о роли этой школы в создании рационального грамматического учения. Именно александрийцы создали первую фонетическую типологию, выделив 24 звука, создав специальные обозначения для видов ударений и т.д. Но основной их заслугой было создание систематического грамматического учения. В трудах Аристарха Самофракийского (215—143 гг. до н.э.), Дионисия Фракийского (170—90 гг. до н.э.), Аполлония Дискола (II в. до н.э.) и др. мы встречаем выделение частей речи, описание их флективных свойств и синтактико-семантических критериев анализа. Такой интерес к грамматической структуре языка был вызван философской доктриной, утверждавшей, что язык по аналогии воспроизводит взаимосвязи, распространенные в Космосе. Следовательно, для понимания бытия необходимо изучить язык, на котором это бытие воспроизводится. (Мысль, которая созвучна философии XX в.). Для александрийских языковедов язык

и текст — это проводники к эйдетической структуре бытия, раскрываемой методом герменевтики.

Одним из ярчайших представителей ранней христианской герменевтической мысли Александрии был Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.). Он связывал в своих интерпретациях священных текстов иудейские мистические традиции с греческим учением о Логосе. Филон опирается на положение о том, что практика толкования священных текстов неразрывно связана с личным религиозным опытом.

Логос, пронизывающий Космос, является связующим звеном между смыслом священного текста и религиозно-мистическими переживаниями интерпретатора. К герменевтико-экзегетическим открытиям Филона Александрийского традиционно относят толкование текста по трем смыслам: 1) буквальное прочтение, сравниваемое им с познанием очевидности предметного мира; 2) аллегорическое прочтение, в котором читатель через текст «видит» Космос во всей его полноте и истинной природе; 3) истинное созерцание самого Логоса, высшее понимание смыслов, невыразимых в языке. Но существует еще и четвертая ступень, доказывающая необходимость синтеза герменевтической практики с духовным развитием личности. На четвертой ступени адепт удостоивается благодати, превращается в «совершенный чистый ум», способный созерцать Бога.

Исследователи филологического наследия Александрийской школы указывают на то, что четырехуровневая герменевтическая модель Филона послужила методологической основой для дальнейших гностико-текстологических практик [4].

Традицию, заложенную Филоном, продолжил Климент Александрийский. Наибольший интерес у древних герменевтов вызывали гностические практики, связанные с эзотерическим знанием и с проблемой символической невыразимости истины [8]. Это было во многом соединено с желанием преодолеть античный скептицизм и агностицизм. Но при этом Климент указывал на величайшую пользу аллегорического метода и диалектики.

Иными словами, александрийская традиция, пытаясь разработать рациональную методологию интерпретации священных текстов, одновременно обогащала христианский мистико-религиозный опыт. Ориген (185—254 гг. н.э.) продолжил размышления Климента, возглавив Александрийскую школу после смерти последнего в 215 г.

По мнению Оригена, в Священном Писании содержатся «камни преткновения» для того, чтобы скрыть свет истины от тех адептов, кто не достиг высот герменевтического созерцания внеязыковых смыслов. Он утверждал, что работа с текстом — это особый путь богоискательства, который состоит в том, чтобы из порядка букв собрать «рассеянный невыразимый смысл» [9]. Для александрийских богословов толкование текста — это сложный духовный процесс, который возносит через множественные смыслы к невыразимому Логосу.

Второй центр античной филологической герменевтической традиции — Пергам. Город Пергам в Малой Азии привлекал к себе внимание двумя достопримечательностями — колоссальным дорическим храмом Афины и огромной библиотекой, содержащей уже к I в. до н.э. около 200 000 свитков. Как и в Александрии, здесь сложился образовательный и научный центр, составной частью которого

была пергамская школа языковедов и философов. Пергамцы многое сделали для перенесения метода интерпретации христианских священных текстов на литературно-эпическое наследие Древней Греции. Так, основатель пергамской грамматической школы Кратет Малосский (сер. II в. до н.э.) занес в пергамскую филологию принцип аллегорической интерпретации.

В основе аллегорической интерпретации лежало глубокое переживание религиозного и поэтического опыта. В античности очень ценилось «живое созерцание» поэзии, чьи смыслы были лексически невыразимы. Для их прояснения использовались всевозможные иносказания и аллегорические толкования иносказаний.

Известно, что основной спор александрийцев и пергамцев разворачивался вокруг текстов Гомера.

Кратет настаивал на том, что в гомеровских текстах поэтически зашифрованы научные и философские истины в виде «смысловых созерцательных данностей», в то время как его главный оппонент — хранитель александрийской библиотеки Арситарх Самофракийский (216 г. до н.э. — 144 г. до н.э.) был против свободных интерпретаций. Известно, что Кратет в своем истолковании Гомера был вместе с теми, кто находил в Агамемноне — эфир, в Ахилле — солнце, в Елене — землю, в Александре — воздух, в Гекторе — луну. Деметра была для него печень, Дионис — селезенка, Аполлон — желчь и т.д. [1. С. 304].

При этом Кратет указывает на то, что речь соединяется с душевными порывами, страданиями, намерениями через некие фигуры, которые складываются в поэтический образ, способный даже через акустическое благозвучие влиять на состояние души слушателя или читателя. Согласно примечаниям Секста Эмпирика, если грамматика считается наукой, то она не должна выходить за рамки внешнего анализа форм и оставаться т. н. грамматистикой. Если же грамматика исследует сущность смыслов, образов, исторических интерпретаций, то к науке ее отнести нельзя, это уже особая духовная практика.

Из истории античного языкознания известно, что на период расцвета александрийской и пергамской школ (II в. до н.э.) приходится второй этап противостояния аномализма (аллегорическую этимологию и аллегорическое толкование текстов) и аналогизма (приверженцы системного подхода в фонетическом и грамматическом моделировании), которое способствовало созданию (уже в Римский период) нормативной грамматики, представляющей язык не как вместилище откровений или тайных смыслов, а как стройную логико-семантическую систему.

Таким образом, античная лингвофилософская мысль развивалась в диалектическом ключе, основываясь на полярных тенденциях, двух системах понимания сущности языка и языковых процессов.

1. Язык — это носитель неких универсальных смыслов, которые можно извлечь из этимологии слов, интерпретации мифологического эпоса, поэзии, а позже из священных религиозных текстов. Из этой концепции впоследствии разовьется христианская традиция экзегетики и герменевтики. Важно, что работа с текстом здесь неразрывно связана с духовным опытом интерпретатора. Знаковые отношения между денотатом и означающим присваивают еще и универсальное содержание эйдоса.

2. Язык — это грамматическая «вычислительная» система, способная к выражению смысла за счет фонетического строя и синтаксического комбинаторного разнообразия. Здесь важную роль играют не эйдетические связи, а симметрия синтаксиса, принципы литературной нормы (например, грамматика *Téchnē* Дионисия Фракийского). Создаются правила упорядочения языка для обучения и переписывания материала, обосновываются элементы правильности и регулярности на всех уровнях.

Оба подхода затронули глубинную сущность языковых процессов. Уже в античности язык представлялся как парадоксальное явление, способное на ограниченном наборе «синтаксического репертуара» создавать бесконечные смыслы с множественными оттенками и нюансами. Вместе с этим вполне осознавалась и мысль, что анализ структуры высказывания может раскрыть сущность мышления и познания. Язык стал «переносчиком взаимодействия» между бесконечным субъективным смыслопорождением и объективным содержанием свойств Космоса, а священные религиозные тексты благодаря герменевтике стали своего рода символическими моделями Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. — Т. 5. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
- [2] *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию, 117, 13.
- [3] *Степанова А.С.* Философия древней Стои. — СПб.: Изд-во «KN», 1995.
- [4] *Светлов Р.В.* Гнозис и экзегетика. — СПб.: РХГИ, 1998. — 480 с. Цит. по: URL: <http://www.biblicalstudies.ru/books.html#Svetlov>
- [5] *Найдыш В.М.* Философия мифологии от Античности до эпохи Романтизма. — М.: Гардарики, 2002.
- [6] *Кузнецов В.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/kuznecov_germenevtika
- [7] *Шаев Ю.М.* Смысл герменевтики: опыт семиотического анализа. Монография. — Пятигорск: ПГЛУ, 2010.
- [8] *Климент Александрийский.* Строматы, I—XII. URL: <http://www.nsu.ru/classics/stromateis/strom1.htm>
- [9] *Ориген.* О началах. IV, 19. Цит. по Творения Оригена, учителя александрийского в русском переводе. О началах. — Казань: Изд-во Казанской духовной семинарии, 1899. — С. 348.

STRUCTURAL DIALECTICS IN ANCIENT PHILOSOPHY LANGUAGE

P.N. Baryshnikov

Pyatigorsk State Linguistic University
Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol Region, Russia, 357500